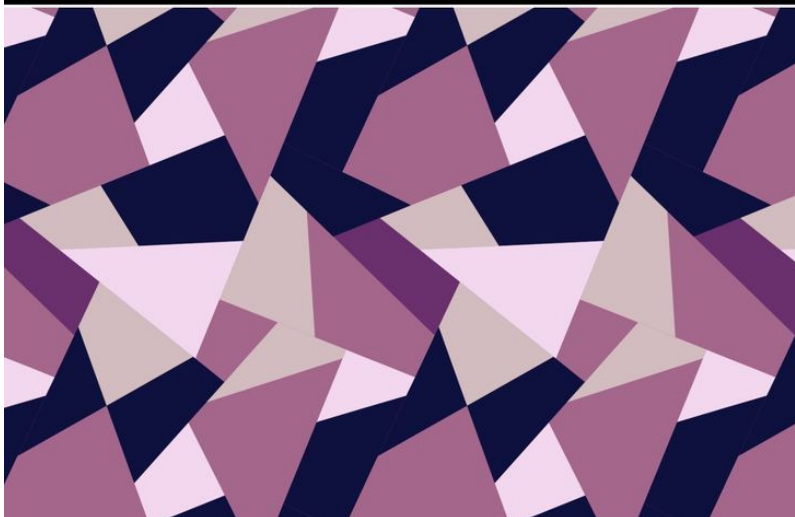

18+

Анна Князева

*Книга пустых
жизней
и не очень*

Анна Олеговна Князева
Книга пустых
жизней и не очень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60971377

ISBN 9785005153555

Аннотация

Сборник рассказов об обычных москвичах и мучениях их обыденности. Церковная мольба человека к Богу, который исторически им пытается объяснить отсюда, что сам является человеком. Терпение и крах людей в нашем естественном гнёте, блеск церквей, что выгоняют нищих и кровь мучений сердца московской сломленной домохозяйки. Все имена не относятся к их реальным обладателям и описание ситуаций коллективно-тенденциозное. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Наш Игорь в чёрном человек	6
Агнец Ольга Каганович	12
Верующая в людей	15
На стене	17
Соборовский мост	18
Путешественник	20
Инопланетное убийство	21
Обыденная молитва	23
Пресвятая Богородица	26
Ангел хранитель	28
Боль умирающего человека	30
Песнь Ада	32
Осквернённый Ирмос	34
Путешествие	36
Стопы бездны	37
Потоп фараона в Москве	39
Богу победную песнь поим	41
В вопле	43
Господство-превосходство	45
Безысходность нашей экономики	48
Припев гниения	50
Грешник в Москве	54
Владыце	56

Богу моему	57
Токмо молюся	59
Глагольство Москвы	60
Даждь ми свободы	62
Господь	64
Ум	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Книга пустых жизней и не очень

Анна Олеговна Князева

© Анна Олеговна Князева, 2020

ISBN 978-5-0051-5355-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга пустых жизней и не очень

Любое совпадение этой истории с реальными обстоятельствами является случайным, поэтому после прочтения во всём советуем придерживаться стандартов изучения социальных процессов общества Российской Федерации.

Наш Игорь в чёрном человек

Меня зовут Игорь Самочёрнов. Я, как и все русские, живу в Москве. Вообще не важно, кто в Российской Федерации где живёт – все москвичи. Просто в жизни все считают одинаково: кто-то чернорабочий, а кто-то царь. В жизни надо быть царём, потому что иначе люди сожрут тебя. Мне уже тридцать шесть, и я смог открыть собственное ИП, чем очень горд.

Я занимаюсь психиатрией и лечу сумасшедших. Раньше я уделял своей работе сердце, но потом понял, что эта болезнь неизлечима: пациенты не могли восстановить рассудок и всё равно делали странные вещи, поступая неадекватно.

Я знаю много историй, но все эти истории лишь о трагедии жизни, которую люди заканчивают суицидами. Людям смешно. Людям очень смешно, когда кто-то совершил самоубийство. Просто из-за презрения к слабости умершего.

Как и все, я мечтал быть президентом. В нашей стране все президенты, включая меня. Как личность я очень силен и никогда бы не позволил никому меня свести с ума.

Каждый день в хаосе безумия чужих мозгов я навожу порядок, который люди снова неизбежно разрушают. Все люди омерзительные и нездоровые твари, которых ждёт нелёгкая Судьба...

Москва. Лето. Огромный город, огромные возможности,

которыми все чают свои маленькие дни бессмысленного труда на великих людей, что достигли вершин жизни. Москва – центра общественной травли, где все живут лишь днём будущей славы или успеха, зарабатывая деньги лишь на то, на что им хватит в чёрный день, плодя инфляцию.

Люди на практике работ понимают это: вся их жизнь идёт во имя удовлетворения потребностей богатого состоятельного населения, что хранит тайну создания средств массового производства и правит их жизнями.

Жизнь для людей никогда не существовала и все люди в религии открыто видели этот запрет на жизнь. Российская Федерация – страна запрета жить, в которой работал Игорь.

Он лечил каждый день просто прописывая нейролептические препараты разного действия и состава, не понимая, что это лишь корректировка работы рецепторов, а причина реакции не устраняется. Он не раз задумывался об этом: почему причина реакции не устраняется, если они сумасшедшие? Почему их всё больше и больше? И при этом он думал именно «их», а не «нас». То есть в сердце он относился к ним, как и всё общество: «Мне это не грозит, потому что я не такой слабый, как эти неудачники. Пусть пьют успокоительные и верят в то, что они инвалиды, потому что я боюсь даже понять, что это за хрень».

Его обыденность проходила в светлом кабинете местного небоскрёба богатой архитектуры современности. Ночью это здание мерцало огнями, подобно космосу, а днём оно было

горой городских гигантов Москвы. Центр человеческой жизни во имя человека Москва, где в любви и заботе друг о друге каждый несчастен по-своему, но в молчании о сокровенности выражает лишь престиж и процветание. Москва. Все там лучше людей, потому что они московские люди, а не провинциальные. Москва и только Москва. Красота России только здесь.

Люди не знали о том, что такое престиж города. Города как предприятия – больше денег урвал – лучше живёт население. Города – это ковчегии людей, где они скрываются от естественной среды в страхе смерти. Сегодня этот ковчег тебе друг, но, если ты не принял от него медленную и мучительную смерть, то он обернётся тебе чудовищем, что для тебя даже еды в себе не имеет. Этим прекрасны все города, даже наша родная Москва.

В этом небоскрёбе Игорь перебирал бумажки и ловил атмосферу своего интеллекта и престижа в поисках лекарства от болезни, о котором боялся даже узнать в реальности.

В один прекрасный день он проводил лечение пациентки, которая мучилась от болей и деградации поведения. Он, когда лечил её, не понимал, что происходит с человеком, потому что эмоционально даже понимать слабого человека не хотел, не считая её за слабость вообще человеком. Пациентка это чувствовала и боялась его – не более.

Каждый человек хранит своей обыденностью бесценный опыт. Опыт Игоря заключался в хищничестве во имя своего

выживания на своих пациентах, которых он считал просто уродами.

Вечерами в этом офисе его угнетала даже красота обоев, освещение – всё угнетало, но стоило вспомнить крики своей пациентки в кабинете: «уйдите твари», как он начинал держаться.

Пациентка даже не задумалась применить какие-то средства вернуться в рассудок или просто послушать музыку, осознав, что не проходит звуковой сигнал в зоне рецептуральной реакции мозга на звук. Им было пофиг на поиск причины массового заболевания – лучше всем остаться овощами. Хоть потенциально, хоть прямо.

В жизни Игоря до самой смерти его обыденности ничего не понялось: он так и продолжал игнорировать всё вокруг, зарабатывая деньги за то, что прописывает людям обезболивающее. Нейролептик просто обезболивающее, что немного токсичней, либо много токсичней, чем остальные.

Но в каком состоянии жил сам Игорь? В безразличии и смирении с неизбежным вымиранием людей вокруг него, потому что он адекватный рассудком, а все остальные нет. То есть если бы он признал, что все здоровые, он бы просто сошёл с ума, так как рухнула бы точка его паразитизма.

Его не стоит осуждать, потому что осуждение должно строиться на цели общества. У нас в России дистрибуция и путь успеха без источника успеха. Все в нашей стране неадекватные.

Даже если кто-то счастлив, это непременно сменяется вышеописанным, потому что доволен человек никогда не будет стабильно. Все люди проживают жизнь одинаково. Описать просто: работа – деньги – развлечения – работа – работа – деньги – развлечения. Раньше была хотя бы любовь, стремление чему-то научиться, посмотреть на то, чем кто от кого отличается. Но сегодня победитель Игорь, который только продавал сумасшедшим нейрорептику. Просто потому что многие вообще решили давно, что сумасшедшим быть просто проще в этом обществе.

И лишь один момент жизни радовал сердце психиатра: когда своей любовнице он при встрече говорил: «А-ха-ха-ха. Привет – широко улыбаясь, – Как твои дела, моя сестра?». Всё на этом необычное в его жизни просто меркло в безумии сумасшедших, что всюду его преследовали.

Если кто-то рассчитывает, что таким людям что-то потом будет плохое от Бога, успокойтесь. Ему ничего за эту жизнь не было. Он оставил детей и умер в старости, оставив им неплохое наследство. Нечего про него рассказывать: он работал всю жизнь только ради денег, а не ради результата для себя и общества.

Будет похоронен в Москве. Он был женат, и жена умерла на год раньше.

Отметим, что на работу клинического психиатра его так и не взяли по программе Судьбы, а он так об том мечтал,

умерев с несбыточным ожиданием...

Агнец Ольга Каганович

Среди ночных мерцающих огней Москвы, где кроме огней ничего словно и нет почти всем довольная жила Ольга Каганович со своим любимым мужем.

Её дни были типичными днями русской женщины: уборка – дети – работа – зарплата – развлечение – обслуживание мужа в интиме. Всё. Больше у неё ни на что не было времени и сил – только это.

Естественно, вокруг неё было больше событий, чем она видела, но она этого не понимала. Она, просто существуя на автомате на высокой скорости делала обыденное для себя и вообще ничего даже видеть больше уже не хотела. Даже если бы у неё с мужем были конфликты, она бы в этом состоянии рассудка этого не заметила... Просто потому что в этой московской толпе её не существовало: она там потерялась, проживая одинаковые дни, часы минуты, словно электрон вращаясь по горизонтали.

В одну такую ночь она возвращалась из офиса очень поздно, закрывая год зимой и рядом с одним из мерцающих и прекрасных небоскрёбов Москвы, что есть священный символ третьего Рима, её настиг убийца.

Человек, что подходил к ней с ножом тоже так же был только электроном нашего атомарного центра: он верил, что убивает женщин во имя счастья России.

Женщина в красивом платье среди огней огромных небоскрёбов встретила чистую и спокойную смерть по воле Небес, в которые верили все русские люди. Одинокий мужчина смотрел на мёртвую женщину, шея которой продолжала кровоточить на асфальт, отдавая ароматы смрада в воздух, напоминающие больницу, где наши соотечественники презирают умирающее мясо своего вида.

После этого муж Ольги ненавидел упыря до конца своей жизни, не замечая, что: бросил работу; продал квартиру; запустил детей; стал похожим на него упырём в агрессивности к людям. Он только и делал, что в безумии опьянения злобой и высокой логикой своего рассудка пытался выяснить личность убийцы, но не мог: как не искал и не спрашивал очевидцев, ему никто ничего не говорил без удостоверения. Человек человеку волк лишь в сказке, потому что волки охотятся в команде и очень дружные.

Полиция продолжала предупреждать население столицы, что это не первый случай в Москве. Это тенденция светлых огней московского престижа.

А СМИ молчали и курили в стороне, боясь за репутацию и рейтинг...

Он продолжал расследование до тех пор, пока его несколько ребят-студентов не отрубили чем-то тяжёлым по голове, при этом избив до инвалидности.

Красота России! Красота державы! Красота людей!

Акция в Москве продолжалась: отмсти или будь отмщён-

НЫМ.

Верующая в людей

Ольга Левин всегда любила людей. Гуляя среди красных звёзд Московский куполов, она теребила свою одежду и наслаждалась собой. Её жизнь тоже была обычной до жути. Настолько обычной жизнью самки этого общества, то страшно было бы буддистам угроза так переродиться.

Работа в мечтах и мечтах о красных кремлёвских куполах; заработная плата и дети; муж и жажда от его шовинизма побыстрее смерти. Обыденность мучила в немом молчании Ольгу, но не было никому ни капли её жаль не дольку.

Мука обыденности в обыденной уборке заставляла порой её плакать горько, а муж с неба и звезды не достал: сексуальную усладу только иногда давал.

Женщину гнобили даже дети, чья любовь для неё была страшнее смерти. Это просто следствие тенденции: устрашающая фаза российской коммерции. Она не знала на что их учить и решила просто по течению их и пустить.

Но даже это сломалось в жизни женщины: её маму за что-то лишили пенсии. Семья была бедна до нищеты, а здесь законно отобрали и последние мечты.

И в результате среди конусов Кремлёвских крыш её ловит, усыпив нашатырём, плохиш. Пока она в отключке, он её эксплуатирует и тело бедное ни капли он в процессе не милует. Она с утра очнулась в трансе, испытывая омерзение в экс-

тазе и пьяной фазе. Она взяла на кухне нож в гостинице и завершила жизни круг циклический без психиатрической клиники.

Любила Олечка людей, а они её – когда это взаимно, живут в Москве все хорошо.

Счастливые лишь те, кто умирал во сне – не зная боли, исчезая в синеве.

А москвичи так и живут среди куполов, считая, что завидует им всей страны народ.

@ – оставь свой след в истории людей: насилуй женщин ради смерти будущих детей.

На стене

Конфетный сладкий замок москвичи все знают; архитектуру его очень уважают.

Народ презрением слывёт ко мне; к Москве; к себе и к людям, всё поклоняясь Богу, правде, ложным судьям. Программа, смерть, садизм, еврей. Нам надо судьбы счастья поскорей! В молитвах люди просят у людей.

А где-то рядом с этим замком в старом здании убийцы были в пристальном внимании: им очень нравился герой, что к ним пришёл... и надо же! Он где-то пистолет нашёл!

Он помнил мёртвую жену и помнил свою смерть, а потому он всех убил, приняв от общества мучительную месть. Стрелял он в каждого и не жалел себя, чтобы в тюрьме не провести ни дня.

Какие тёмные и синие в Москве огни! И замки сладки и богаты дни.

И на стене в его квартире он оставил след: он фотографию повесил, как жены портрет.

И этой стенки память замечательного москвича никто не должен забывать, чтобы не встретить смерть Москвы от купола огня.

Никто вокруг не замечает рабство, считая, что живём мы все прекрасно. Работа – дом – работа и зарплата. И погадать необходимо, чтобы выпала хотя бы незнакомая нам карта.

Соборовский мост

В Москве есть маленький собор с мостом большущим и по нему мужчина брёл с красивым будущим.

Он так мечтал о славе Ватикана, не ведая исход религии капкана.

Мы предали свой вид и нам нельзя теперь родиться, а то так можно расой всей инвалидами остаться.

Печали, вопли от потери данных: и кто кого убил, оставив маму дома пьяной.

О Ватикан, и о Москва-столица! А вам самим не хочется напиться?

Религия нужна, чтоб правила иерархии блюсти, чтоб след в истории оставить, скоротав обыденные дни.

...ooooO...

...() ...Ooooo...

... \.. (... (...) ...

... _) ...) .. / ...

... (_ / ...

В один прекрасный день он помолился Богу, почувствовав себя от этого убого. И в этот день от бесноватости миллионы спас людей, повесившись в покоях наш протоиерей.

Мораль сей басни такова: опомнись, жук! Испытывая крах жреца, ты знай, что сам себе ты друг. Всё, потому что чем природу покорять, ты должен был в себе человека для

своей мечты спасти.

Все к смерти мы приговорены с рождения миром, но, чтобы зря родиться, делаем его вообще сортиром.

С ума все сходят от ошибки гена: кто убивает, а кто достигает живым тлена.

В Неведомом поклоне Небесам не ведают в Москве, что Рай-то далеко не там...

Путешественник

Он так мечтал о том заветном дне, когда он станет гражданином в чужой далекой и такой устойчивой стране. Он танком всех с пути сметал в карьере, тая надежду на удачу в своей вере. И день настал – достиг мечты мужчина, не понимая, что он к женщинам скотина.

Он агнцем с рогами продолжать в Америке пахать, а его рожу презирали все и даже тамошняя знать. И женщины плохие ему радостно давали, рассчитывая от него иметь всё то, о чём мечтали.

И в этих наслажденьях коротал обыденные дни, а за его спиной небесные просторы облака заполнили тёмные мечты.

И вот в Америке попробовал наркотик. Он жизнь пресёк свою, сорвав на себе дротик. Зарплаты нет, надежды нет и женщин. Он героиним кончик как герой беспечный.

В один прекрасный день он не вернул свой долг и с этого пошёл его порок. И взял начало треш американского кино: «поймайте мёртвым только мне его!»

Опачки! И снова беготня: налево он, а прямо в центре ждёт его Судьба. Он умер от удара в голову братвы. Ведь так в Америке – сегодня я, а завтра ТЫ.

Инопланетное убийство

Работал он психологом и понимал мечты. Он к реализму всех толкал, реальность принимать в обыденности. Методика работала – больные возвращались к жизни. Светилой он прослыл, достигнув славы в отрасли леченья головы.

Однако мимо серых и зелёных крыш монастырей он верил в Будду, а не в святых людей. И чей-то смех неведомо над ним мелькал: ведь он не знал, что суицида его пациентов кто-то где-то ждал. А этот скот им объясняет столь понятно, что их рассудок и душа вернуться в этой жизни, а не потеряны столь безвозвратно.

На небесах был мор от этой мысли! Законы физики нарушишь – разорвёт страшнее гризли. Но на Земле все верили в Судьбу. Ведь лучше верить в Сатану, чем знать и следовать уму. И вот ему тот Дьявол отомстил: он его установочкой пространственной на атомы разбил. Но на Земле уверовали в Бога: не инопланетное нашествие всё это! Это всё убого! Ведь человек же мёртв от Бога гнева. При этом кто есть Бог – запретна тема.

Пространственная физика здесь просто космос, потолок! Всё только чтоб никто не знал о том, кто такой... Бог...

Ну вот никак не может умереть человек, оставив в плоти зелёный мяса след... Даже при сифилисе красный, чёрный, розовый оттенок. Откуда там зелёный вылез тленок? Опять

здесь дьявол? Кто же он такой? Так надо же узнать, чтобы
забрать с собой!

Обыденная молитва

Мы физики особенны в молитве. Генетику мы знаем, пространственную модель Евклидову. Мы Бога зрим, как просто инопланетянина, а Рая глас мы зрим вокруг себя нечаянно.

И как-то раз во имя счастья надо было убить девушку одну, чтобы им вкусно, радостно, приятно было. И девушка обрадовалась даже: да тут любая смерть подобной русской жизни блаже.

Она подобно ведьме заживо смотрела Божий Суд: Сие есть в темени программа просто, что внедрила в гены нам зверьё, сквозь единого пространства тонкий пруд. Она смеялась дико просто над тем, что она Сатана за то, что к людям уважение с любовь хранила в сердце с дьяволом своим, что человеком в ней и был утерян насовсем. А после дьяволом она считала мир, которого боялся даже Небесей сортир.

Они пилу в пространстве им оставили, чтобы свои же муки Ада хоть чуть-чуть пожинали и в покое космоса планеты все оставили. Они не могут ныне даже нападать: без суицида надо боль чужую потреблять: распад, мучения – «я тварь. Да! Я точно тварь! Все твари мира мы! А дьяволы и Боги быть гурманами должны)))» – сказала ведьма в понимании того, что происходило, обжигая всё нутро.

Она не умерла – она жива осталась дальше.

О русский человек, не бойся смерти! Там нужно посидеть

и знать: пространство помнит всё, что было раньше, сейчас и, в параллели, после смерти. Я оставляю записи святые, что Солнце знает, чтобы люди жили даже в старости молодыми хотя бы сердцем в смерти удалыми.

Нас изуродовали всех лишив нас веры в нас, лишив святости и лишив рассудка в тот же час. Нет сумасшествия, есть постепенно пьянь, блаженством что сменяется с утра, когда мы порознь и в ране до конца. У нас у всех есть раны – это слабость, но если мы сдадимся и убьём, то это больше гадость.

Куда бы не прижала жизнь, ты помни свято: пока есть небеса, ты дьявол Богу и твоё решение свято. Никто не виноват здесь на Земле – об этом помни. Не убивай руками – ты пространству лучше то напомни... и просто помечтай о Божьей смерти, оставив своим детям ремесло в конверте, чтоб если Бог им явится они уже и знали, что в космосе мы все в едином ареале.

Великий спор в природе человека с Богом, что для обоих завершается идиотизма роком. Чтоб победить ты сядь и пережди. Ты в ожидании живи и делай, созерцая муки, коротая дни. Ведь Бог живой и в злобе себя медленно прикончит сам. Ты просто знай ты здесь, а он сам на его планете – там.

Все одержимые вы знайте – этого нет. Вас космос пересекает, привидений нет. Он помнит всех и всё и возрождает дальше, там зло всё что вам свято – и родные ваши. Примите зло, свои грехи, болезни, падаль, гниль, чтобы разбить ил-

люзию, что вас окружает только грязь, говно и пыль. Вы этой пыли часть, едите вы отбросы, в говне выходите, работаете, любите живёте.

Любите свои семьи и детей. Нет рая, ад для нас спасенье жить естественней, быстрее.

А кто сам веровал в Высшие силы, вы знайте – они голограмму презрения в темени оставили вашей.

Они умирают там от нарушения здесь: не проявил если человек суицид, то генетически причина отсутствует умереть. Их технология основана на цепной реакции принципа: всё живое похоже и развивается эпицентрическим принципом.

Пресвятая Богородица

Все женщины равны в своей кончине – они живые пока нет с ними мужчины. Потом от рока издевательства они слабеют сердцем, моя им полы. Они становятся для развлечений плотью, и их считают шлюхами и мутью. Всё женщины равны в своём конце, но в разной степени мучений, вымирая вместе и в мечте.

Среди праздных архитектурных строений, полных разнообразных творчества настроений шла она, ища в Москве работу, мечтая о славе, признании, сквозь социальную рвоту. Она не чаяла конца Судьбы: в машину повязали, нашатырём закрыв дыхательные пути.

Продажа в рабыни в Америку светит – мечта русской женщина, работа и ожидание в успехе лишь собственной смерти. Среди небоскрёбов из белого кирпича она облаживала одного за другим не жалея себя. Настала пора венерической болезни, что даже в этом виде бизнеса есть потеря гордости, лести и чести.

И кто Богородице молится свято – вы знайте, что молитва от всех и ваше решение здесь не будет ясно и внятно. Ведь грех ей молиться особенно тем, что в собственных женщинах зрит только плотской услады стезю и их чрева тлен.

Её жутко били и истязали, чтобы до конца выжить выгоду из остатков её печали. И до смерти тело мертво оставалось

в мучениях мути, без уважения даже самую малость. И завистью травля осталась в душе: «я хуже живу, чем те, кто в неба ушёл к другой далёкой звезде».

Однако ведь принцип Рая эллицентричен, а мир наш разумен и эгоистичен. Болезнь начала ускоренно развиваться у убийцы, который над ней издевался. Он пил яды дико, кричал в истерии, но всё перерастало только в ипохондрию. И сгнили глаза, и сгнили все нервы – остался он тленом с воспоминаниями райской небесной системы.

Ангел хранитель

Он жил не тужил в известном Раю, монарха местного любил и чтил, как им там завещано жену свою. Однако по космосу работорговля и, коль бесполезен – из тебя идеальная краска и кровля. Безотходное производство граждан там. О русские люди! Безусловно, служите им, Небесам! Давайте все тоже устроим переработку: возьмём умирающих бомжей и их тела используем в топке, а можно, как там: просто коробок взять и как Белоснежек всех их там в вакууме в воле умять, провести электричество, чтоб живые остались и ультразвуком чтобы им мысли внушались.

Эпицентрический принцип идеально сработает – эмоции коллективны и общество роботов уже давно свободно живёт – делайте! Это сработает!

Когда на планете вымирание пойдёт – не удивляйтесь, просто технология эта отдачу даёт. Звук тонкий в искажениях может плоть пересекать и всем рекомендую во всех случаях это знать.

Потом будет просто всё – надо изучать, как всё вымирает и куда дальше ДНК отправлять.

Лететь не нужно – рисуйте на плоти и тоже Богами будете в этой исторической рвоте.

Из темени в гены идёт информация – это изучите и будет у них дополнительная локация.

Служите Небу во имя вашего Ангела хранителя. У сумасшедших хозяина нету – это просто отдача в эмоциях приведённого в прошлой истории эцицентрического принципа.

Но что с ангелом стало? Поведаю вам – он в так и закончил, на небе служа небесам.

Боль умирающего человека

Презрением политый гнилью, я умираю мирской пылью. Вокруг царит кровавый дождь и даже Бог не смог бы мне помочь. Никто не узнает о смерти моей, а мне надо лишь умереть поскорей, чтоб боли отчаяния пресечь лютый цикл. Совершил суицид бы даже Перикл.

И смех от Небес раздаётся в дали – ты Рай не узришь, суицид соверши, но я умираю по природе своей – мне чуждо предательство смерти своей.

Мы все умираем в естественном цикле и здесь лишь грехи направляют сквозь болезней нас иглы во трубную гниль, что лежит в небесах, где всякий во вере испытывал крах. Всех страх угнетает – все Бога бояться и в этом утрашии предпочли лишь сношаться.

Бегут они в секс лишь Бога боясь: «Если я не сношаюсь, мне смертная казнь». Не знают они, что такое любовь – забыт человек и пролита кровь. И плоть не живёт, хоть всё это и мы – мы в душах у трупов обитаем в ночи. Мы психикой видим гниющую плоть, считая, что эго наше воскреснет в нас вновь, но там лишь цикличность: «Ты вернёшься сюда», а тот, кто был плотью вернулся сюда.

Таких было много и нас миллиарды. Деваться здесь некуда – лишь одевать бакенбарды. Умирая встаём и живём до конца, так как знать мы не можем, когда смерти настала

пора. Не послушаться смерть? Вы поймите одно: вы лишь боли боитесь, потому что смерть ещё далеко.

И лежал я один, ожидая свой крах, только крах не настал сквозь убитый мной страх. Так я Бога познал – он был страхом моим, только умер он раньше, и я должен был с ним.

Песнь Ада

Я Богов убивал, только зная о том, что не Боги они, а лишь трупов говно. Не имел я оружие, я имел свою жизнь – шёл вперёд в суициде, говоря: «Чёрт бы с ним». В параллели Небес кто-то тоже так делал, потому что везде одна и та же проблема: как же жить, если ты не умеешь сам жить?

Вот и Ад вам открылся: по течению плыть. Нужно выход искать и принять лишь одно: просто люди убить могут даже друг друга и тебя самого.

Если даже тебя вновь толпа убивает, нужно просто принять, что чудес не бывает. Безразличие нужно к агрессивной толпе: они на чувствах играют, тобой питаюсь извне. Нужно просто принять, что всем людям нужно лишь приятно чтоб было, а не сеять добро.

Ведь ни в ком нет добра, да и зло погибает. На покос ты добро, а во зле только Ад опять умирает.

Кто же делает это? Можно предположить, что тут принцип рассчитан и себя сначала мысленно надо гнобить. Что считаешь собой ты – то и гноби, потому что иначе потеряешь мечты.

А когда Бог умрёт – станешь просто свободен, но вот сделать мечтаемое ты всё равно не способен.

Потому что поддержки никто не окажет – или делай один, или стадо вообще в безразличии сляжет.

И Добро победило, но без зла его нет – ведь добро воскресила зла презренная смерть...

Осквернённый Ирмос

Осквернение святого – злодеяние, грех. Но как можно сквернить то, что свято не во грех? Святость есть направление светового потока, на котором построен крах священного рока. Злобный рок обстоятельств, когда стада толпа на другого напала, словно в жажде добра.

Пресекая пустыни это зрил этот мир, даже диву даваясь, что за био-сортир. Потому что вот это просто есть осквернение – ведь в природе зла нету. В этом суть угнетения.

Ты настрой толпу против этой самой толпы и откроешь свой ротик, посмотрев их мечты.

Они жаждут лишь плоти, разорвать и убить; они жаждут во рвоте денег вновь раздобыть, они жаждут обмана, чтоб иметь кусок хлеба, они ругаются пьяные, при смирении с небом; люди вновь совершенны в своей жажде убийства, только этот процесс просто не несёт в себе смысла.

Они молятся Богу лишь на смертном одре, а он вновь отвечает, чтоб подошли во тьме. Потому что при смерти они попадут в Рай, только Рай этот самый есть обманутый край.

Из пространства там кровь просто убрана с памяти, чтоб никто там не знал о потерянной грамоте. В этот край не стремись, если знаешь о Рае – ты построй лучше Рай в своём собственном крае, потому что ты зришь сам иное совсем. Этот Рай нужно строить, избегая проблем.

Только этот подход к ним всех вас приведёт – без проблем вы не знаете исторический ход.

Все бегут только в призму, где опасности нет. Оглянитесь вокруг: ими полон весь свет.

И куда не бега – это просто в тебе. Без победы убийцы люди сдохнут в «себе».

А убийца – феномен, что в природе отсутствует. Если всё так чудесно, почему вообще суициды присутствуют?

Суицид – это просто коллектива познание, где для любого отсутствует даже само покаяние. Это наши мечты, чтобы было всё это, а в реальной природе кроме смерти нет иного ответа. Так примите же смерть от природы своей – суицид вам лишь память в смерти прожитых дней.

Путешествие

Путешествовал я по священной Москве и увидел там купол, словно бывший в Кремле. Это церковь была- разноцветная дико, что аж режет глаза, пробуждая похоть и дикость. От неё отдавало всеми, кто не понравился, хотя клятву давали: «каждый нищий в помощь нашей нуждается».

Путешествовал я по священной Москве: там бомжей выгоняют, чтоб неведомо было людям о нищете.

И наследство закончится – всем останется жить лишь по собственным записям, а также о знаниях память хранить.

Я смотрел только церкви, что полны иллюзорного – ведь в молитвах и вере там нет вообще никого непокорного. А кому покоряются? Богу? Смерти? Судьбе?

Они даже не поняли, что Христа не может быть в этой стране. Он на родине, верно, и смеётся над ними, что во собственной вере они видят только проблемы.

Им сигналы нужны, что полны лишь дурмана: им приятно становится, а в конце ничего кроме обмана. Потому что ломает от дурмана сего. Вы уж перетерпите – небо к смертным по вашему мнению очень добро.

Стопы бездны

Мусульманскую женщину изгнали в пустыню, мечтая о Москвы куполах и воде, она пересекала бездны твердыню. Она шла два часа и слегла от удара: где же бал их Аллах, когда их культура стала предвестием смертельного жара?

А вот правда об этом: он от них принял смерть. В Мусульманстве есть жертвы, что религии трансферт воздаёт, если в это поверить.

Но и женщина знала, что он мёртв в них во всех. И она умирала, сохранив свой конверт. Только этот конверт никому не достался – за предательство это он в природе остался.

И мучения в жажде описать даже сложно: словно заживо гнить, выживая как можно. Это участь бомжей, что спуются в Москве. А все люди смеются: докатились всё же. Опустим и ц – получаем лишь боже. Боже праведный, ты бомжей убивай, а то тех, кто пашет трогать негоже. Ведь муки во смерти превосходят любое, то в ужастиках видно – лучше крови на завтрак не найти им в покое.

А они победят, не попав им на завтрак, потому что их крах не переживут Боги завтра.

Предложите же Богу вы пожить на Земле. Сильно вы удивитесь, как им страшно жить в народе извне.

Чем вы более жалки, тем сильнее ваш страх. Так воскресните призраком и пускайте всех в крах: эта праздность прой-

дёт, в них умрут паразиты, а то все мы уже полумёртвые словно гибриды.

Лучше сдохнуть в пустыне, но идти до конца, чем в самому претерпеть участь Московского русского гордого бомжа.

Потому что народ наш их заживо ест: мол на нас ты работал, так прими от нас смерть.

Богopodobие людей Москвы восхищает, а церковная власть это поощряет. Просто мясо отдайте, просто всё оторвите и плотью дальше в лес золото искать из городов уходите.

Потоп фараона в Москве

Законы повторения истории часто полны порочной аллегории: люди разорвут друг друга, защищая свои территории. Фиолетовые огни Москвы горели ярко и где-то там было действительно в обыденной скуке кому-то жарко. Он на Божьем Суде ответить им смог, что он греха не знал, но знал их порок.

Он политиком был, как и все был жесток, только знал он что он милосердней, чем Бог.

И его схоронили, проклятым посчитав. О нём плакал презренно мусульманский Аллах. Он жену свою бил, ему было приятно. Ей слова говорил о любви лицемерно понятно.

Лицемерие это – ваш культ личности, братцы. Чтобы не было этого, не обязательно в общении избегать фальши. Надо просто понять, то во всём вы похожи на друг своих братцев – и в тех же грехах вы тоже негожи.

Так разрушится зависть, так гордыня умрёт и поймёте вы сразу – окружает вас сброд. Они сброд потому что трусы просто во лжи: они просто подставят ради спасения даже мечты. Надо просто быть сильным и принять это тоже: что при выборе смерть лучше принять, чем повторять такую негожесть.

Но не из человечности, не из жажды добра: просто из понимания, что выживать настала пора.

Фиолетовый свет воду Москвы освещал – так и плакало

небо, что опять кто-то из госаппарата от Судьбы пострадал.

Богу победную песнь поим

На фоне человеческих смертей в родной Москве мы Богу, что есть тот же бес песню поём в святом монастыре. Смех Сатаны мы слышим, не понимая его слёз, а в конце жизни узнаём мы постоянно, что это всё и был спаситель наш Иисус Христос.

Ведь кто, кроме него будет о смерти плакать? И слёзы его кровь, а не паразитов жажда облегчения мякоть.

А многие поющие любили так добро: код активации подавления защиты себя самого. И дьявол не явился к ним и ничего им не сказал. Он дальше предпочёл понаблюдать и до конца смиренно хохотал.

Всё потому что в обществе его считали глупым, мол он придумал опасность и осквернил святыню мутно. Сегодня знаю все о том, что происходит на Земле в Москве, а люди всё не видят смерти, что происходит без причины с ними и везде.

Всё потому что надо игнорировать болезнь, которая не столь опасна, как в страхе преждевременной кончины идти открыто на общественную лесть в бесстрашие играя с пониманием ясным.

А толку людям говорить, если они решили, как решили? Ведь правду узнавая они убить хотят не Бога, а тебя за что теперь знают о том, как согрешили.

И каждый всё за шкуру никак не мог понять – один лишь суицида вид в природе допустимо совершать! Когда отчаялся – ты просто людям правду расскажи, но только, если они правда всем обществом погрязли в лицемерии и страха лютой лжи.

Ведь ложь от правды отличается одним простым нюансом: путь правды просто есть, а ложь имеет во себе несоответствие реальности нюансам.

Так что же? Верьте в небо и с крыши прыгайте в полёте! Вы всех обкакали за то, что, по их мнению, живёте в гнёте. Но что есть гнёт ваш, если нету даже государства? Они вас что ли контролируют? Да они вообще всех кинули давно и предельно ясно.

И все в обыденности ведут жизнь скота: работа, дом, зарплата и, как будущая скотина на убой, их детвора. Всё это просто правда – ведь пока ты сам растёшь как скот рабочий, то твой ребёнок тоже останется чернорабочим.

В вопле

Кричали женщины от осуждения общества, терпя агонию социального одиночества, на фоне этого процесса в коме лёжа вновь погибал на 100% правильный вельможа. От этих женщин он терпел агонию в башке и гнёт от общества во жажде славы в этой социальной мирной среде. Всё это происходит в людях постоянно – с работы каждый возвращается в усталости, как будто пьяный.

И всем, кто страхом был объят остался смеха шрам. Прощу – ну возносите далее поклоны Небесам. Они скорее жаждут, чтобы Иисус там возродился, но я уверена, что он от катастрофы сей их кровью сам умылся.

Все, кто в Москве ведут обыденность в кромешном суициде, служа во этом смраде персоналом тысяч жидов. И небо алое в Москве по вечерам, что гнётом мнения простых трусливых граждан в услужении Небесам пропитано покорностью рабов. Они с трудом освободятся от оков, поскольку даже рабовладелец защитит раба, чтобы работал, а не на мясо пустит, подвергая человека гнёту. Это у нас рабов использовали в мясо, чтобы Богам придать блаженного экстаза. А так вообще по логике никто не отправляет умирать людей, копая дно.

Всё потому что в сути рабства нет – вопрос здесь риторический: кто может делать, а кто нет.

Но все вопят от осознания факта: что я работаю здоровый на дегенерата. Так вы считайте инвалидом руководство – коль издевается, значит не может делать просто.

Господство-превосходство

Паразитируем мы, весело шая, друг друга унижают Москвичи, уверенностью всё света. На унижении великие всё выступают в телевизорах, а президента вся страна гнобит, сверкая мыслями.

Мосты раздвинулись в священном Петербурге, а мэр этого города всё соображает туго. Ему нельзя даже пытаться людям помогать, так как бюджета в этом случае им будет не хватать. Но никому не интересно это и люди ожидают каждый день его ответа. И раздвигаются красивые мосты – работа, дом, работа, алкоголь – мелькают дни. Сегодня фиолетовый, а завтра чёрный день. Башка у населения всё движется куда-то в даль и проявляет лень. Стремясь ко власти появляются личины – и эти люди просто полные скотины были бы, но нет – они гораздо хуже. В стремлении к превосходству их стремление, чем у мэра Петербурга, туже – они становятся рабами Небесам, скотами и убийцами в маниакальности, попав в капкан. Здесь суицидник лучше тем, что он увидел, что общество под гнётом выживает и, вероятно, что он просто здесь не выжил. Маньяк же в эмоциональной вере всех убил, чем все труды в помойку просто слил.

Чем больше крови, тем сильнее этот гнёт, так как не принимает свою вшивость наш народ. А красота со вшивости растёт и, если ты не знаешь этого, то в красоте ты всё равно

урод.

Мороженым торгуют в городе рядом с Невой и прибыли у них растут горой. Хоть малость производство оставляют, так как даже зажигалки уже давным-давно все импортные поставляют. А люди удивляются: что нет работы? Нет образования? Да им и не нужны все ваши начинания. Рабочий скот необходим, когда необходимо производство для себя, а здесь им всё привозят и ничего не нужно от тебя.

Пока вы вместо революции не выберете свой свободный труд, вас даже в государстве никогда по-настоящему не смогут вытащить и не поймут. Здесь можно бедным и с деньгами посидеть, как только в эти деньги люди перестанут верить и на них корпеть.

Ну а пока всё будут порождаться маньяки, так как все президенты здесь, а люди только мы.

Обслуга выживает просто лучше всех, так как умеет делать, а господство нет.

Становятся ненужными и предприниматели, так как теряют актуальность их продукты у спонсоров и нанимателей. Не нужно никому и ничего – в деньгах зароемся и все пойдём к бомжам учиться рыть общественное дно.

От государства помощь получают мизер веря в то, что увеличат пенсии, стабилизируют общественное дно. Фундамент общества воспрянет – заживём. Но почему же эти меры отложили на потом?

Всё может проще в Петербурге и Москве? Быть может

просто люди не нужны этой стране?

Безысходность нашей экономики

Горит маяк над Петербургскою рекой; светит луна над русскою Москвой. Нерусская Москва, когда там люди верят в Бога и чувствуют порабощёнными себя убого. Их русский древности презрел за это бы, так как тогда все знали в чём секрет покорности Судьбы.

Сейчас всё по Судьбе политики исполнили: Москва полна рабочих и блаженных гомиков. Санкт-Петербург полнится тайн и чудесов – там экзорцисты всё бегут изгнать бесов. Уж лучше пусть мороженное продают – для общества полезней этот тяжкий труд. А коль ты психиатр просто знай – в своём бессилии ты знания предков познавай, так как никто всемогущим быть не может в этом мире и в результате все мы с смерти прозябаем в этом мире.

Однако неизменны в Петербурге смерти и продажи – мороженное и изгнания отлично продаются, но священники везде гораздо гаже. Они в лицо гласят о проповеди нам, а за спиной кричат, что в церковь входа бесноватым я не дам. А бесноватые они на самой первой стадии, так как они не знают о природе в этой веры стадии.

Не раз так было, что священник умирал, когда он мир сквозь Бога настоящим увидал.

И не поможет ничего от злого рока – Россия в лапах гнёта превосходства единиц закончит хуже, чем убого.

Однако убивать не выход единицы – достаточно понять, что могут массы на путевое этой колесницы.

Но кто поймёт? Всем каждый день важнее узнать причину роста цен за несколько недель. А я вам расскажу – это нет производства, нет основных продуктов, нет обоснования денег роста. Когда открыта фирма по услугам страхования – это одно из проявлений инфляционного начинания. Ведь друг для друга люди делать могут без договоров. Так в чём проблема? В том, что порван сам по сути ваш общения покров.

Вы лицемерно ненавидите друг друга при первой же возможности вообще просто бросая друга.

Припев гниения

Москвы Небесный свод проводит потребление, растёт наш рынок, происходит вера во спасение. Но отчего спасение никто и думать не посмел: коль попал, значит в духовном ты умел. Но вот кто попадал туда и в результате умудрился выжить обратно не закончит – лучше себя со свету выжечь. Всё потому что рай и Ад – одно и то же. Блаженство в мясорубке вам отправит в темя или боль блаженный Боже.

Всё это из капкана израстает: в бессмертие души все верят и то души воскресают, однако смысл этого никто не понимал. Душа есть плоть, есть человек и мир нигде бессмертия живого здесь не достигал. И так всё население в принятии себя рабами и сидит, доверив жизни тем, кто хуже, чем самый опасный СПИД. Капкан бессмертия рушим принятием факта: что клетки в организме до распада ожидают такта. Мы умираем каждый день и умирает что-то в нас: ведь совершенно не бессмертием Христос вас спас. Должны друг друга защищать вы, а жена супруга, а не плодиться шовинистами и феминизмом в ожидании блаженного недуга. Мы умираем каждый день и воскресаем вновь, так как возникновение в природе есть и обновляется в нас даже кровь. Нет места здесь бессмертию, недвижимому ранее, так как всё изменяется, претерпевая краха стадии.

Бессмертие подружка рака в подчинении Небес, а то

и просто станете вы как лукавый бес. Вы удивляетесь из-за чего сходит с ума народ? От боли в темени людей всех превращает в злобный сброд. Вы в темени депрессию испытываете, радость, а так, по факту – это боли выливает сладость. Вот кто бы не озлобился поняв, что мозг пронзают иглы это осознав? Не чувствуете просто в блажи пребывая, ну а потом всплывает, если человек от Рая отступает. Здесь очень просто отбор – долготерпением надо, чтобы вы, подыхая, в мясорубке Небесного Ада напитались Рая. Но это только в голове у вас по факту обстоятельств: тот свет звезда другая просто, и вы там не хозяин обстоятельств.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя

В Москве столице от Кремля растёт от населения спрос день ото дня. И возим с заграницы мы товары, огромные в блаженстве добывая гонорары. Всё потому что финансировать невыгодно для масс скотины бизнес: ведь сие не прибыльно.

Ну а когда у люда нет работы в депрессии они доходят до брезгливости и рвоты. Истерики и суициды всё снуют, а остальные говорят – тупые, как весь люд. Себя считает Богом каждый Небесам, не понимая, что он слаб им что-то сделать там. Не могут люди сделать что-то даже здесь при вере в ложный Рай теряя свою честь.

Да и считают там всех тут обезьянами, всё осыпая блажью

местных, если пьяные.

Субсидии от государства фирмам не нужны – бюджет им нужен, а народу капиталы для Судьбы. Всё потому что эта участь для миллиардов, просто блаженства Рая очень мало, так как до них немало световых миллиардов. Вот новости читают верующие все, что Рай закрыт и Ад им уготован сквозь их тлен.

Природа может наказать тем, что вам страшно, но только если бы вы сделали то, что для реального всего ужасно. Даже полёт можно считать ужасным, если вы это смогли вообще осуществлением неясным. Вот это грех – здесь логика присутствует: причины для полёта нет, а крылья у всех вас отсутствуют.

И после все кричат, молясь: «Помилуй меня Боже!» Там не помилует и здесь никто вас, так как молить и жаловаться на свои проблемы в обществе негоже.

Раз подыхаете, то надо беспощадно отнестись к себе, до капли крови выживая в такой общественной среде. Ни писка и ни звука никому не издавайте, даже эмоционально их не поощряйте.

Вас бросят все, когда вы будете в опасности, так как у общества в башке в элементарном нету ясности. Они во страхе убегут как антилопы гну, но не считая, что они скотины хуже, совершая это издревле, давно.

Поэтому если судить кого охота, то помните, что знаете не всё и у других такого опыта во всем в одном и том же

очень много. Вы лучше разьясните, почему так поступает человек. Может в его поступках есть ваш собственный совет?

Грешник в Москве

Живу я в агонии гнёта России. Суицид мне мечта, а сам я в сортире. Сатану не боюсь и терплю этот сброд: мне спасения нет, но есть смерть, как итог. И агония гнёта настигнет живущих: их муки при жизни прорастут ещё пуще. И копится боль, растут и страдания, а я всё мечтаю о моих начинаниях.

Субсидирует бизнес бюджет государства, а жизнь отнимает всё то, чего достигал в ощущениях прекрасных: ведь мечта достижима тогда и тогда, когда боль ты вынес и делать настала пора. Потому что калечит нас праведный Бог: он женщинам смертным послал секс игрушек злой рок. Нарушен обмен интеллекта учения: все овощи мы и нам итог долготерпение.

Остаётся записывать знания наши, потому что нет памяти в голове вашей – там объём информации маленький очень и каждый нейрон от боли в вас кровоточит. Души тоже нет – это просто сигнал. Так что, на Рай открыто я клал.

И дома в ночи столицы мерцают. Я, глядя на них, рабочий день завтра вновь ожидаю. Я вот так и живу: ем, работаю, сплю. Я просто раб начальства и это хотя бы осознаю.

Ну а что здесь красоты? Красные звёзды, что есть память о людях, потерянных обществом. Процветает садизм, процветает изгнание, а люди бегут в мысли и ожидания.

Москва – страна мёртвых, что только работают, в престиже погрязши в успехах всё свертывают.

Владыце

Московское величие звезды пятигранной. Я шёл по улице снова в трезвии пьяный. И разгневался Бог, что неровно иду. Он послал мне горячку в сокровенном бреду: и в горячке я видел опять здесь Москву. Небеса мне закрыты: я неровно иду.

Я мечтал о субсидии бизнеса будущего, но мне лишь отказали, намекнув принять мученичество. Да и мало там платят – для рынка копейки. Капитала движения нет и в сердцах наших песнь кричат канарейки.

Все Владыце в сердцах, что есть израильтянин, у которого страх вновь убиться по пьяни.

По Москве я шёл пьяный в безустанном бреду, зная наверняка, что живу я в Аду. Я в поэзии гнёта не один стих писал лишь в своей голове, но и в сердце познал.

Богу моему

Из-за закона курения предотвращения в небоскрёбах красивых Москвы запретили подобное потребление. Увеличился спрос на подобный товар, потому что народ бросить страх поражал. И агонию боли народ весь терпел, понимая, что рабческий этот удел связан только лишь с тем, что они все слабы: никакой революции нет, когда нет войны.

Так сидели все смиренно в страхе проливать кровь: ведь зачем убивать, коль не может без них делать вновь?

И курили всё больше люди в Москве, всё на Рай полагаясь, выкуривая сигарету с Богом общаясь. Каждый ждал свой успех, что настанет тогда, когда чрез Рай этот, умирая пройдёт их душа.

И раздался смех рока, и раздался смех смерти: то возмездие Бога за курения эти. Потому что курили всё, не понимая главного: вред-то не в сигарете, а в вытеснении дурмана покаянного.

Но конец не станет сей вредной привычке – всем не нужен и Рай, лишь бы были отмычки, чтоб разрушился Рок и пошло наше время, где осталось свободным искореженное человеческое бремя.

В вере дальше и смерти, и агония есть, но при сигарете не страшна даже месть. Если вас убивают – закурите и всё. Всех уничтожает – потерпите в покое, осознав, что говно

есть растений еда без мечты и вы не зверьё. Просто цикл природы надо принять – ничего здесь не может мир вам лишнего дать.

Не смею взирати на небо

В Москве начальник крупный я: на купола церквей смотря, мечтаю больше заработать, а заберёт себе всё это моя жёнушка-змея. Не смею на небо взирати я в суете: ведь грешно всё это, а дела мои просто в ажуре.

Осуждает народ нас и друг друга, хотя сами тот ещё сброд.

И по циклу мы спорим, веруя Небесам. Только где это небо? Здесь или там?

В мире нету проблем, а только иллюзии, которыми люди доводят себя до контузии. Они режут друг друга, совершают убийства, что просто есть следствие природного у них фашизма.

Никогда я не знал своего осуждения. Ну а что же есть суд? Не это спасение? Все хотят уходить, улететь и спастись, но бежать давно некуда, потому что мы есть. От себя не бежишь без принятия страданий и в этом весь рок людей начинаний. Что не делай всё это закончится крахом, потому что обеты облиты прошлого страхом.

Перед нами тупик даже обыденной деятельности, только поют президенту все перспективы деятельности написанной.

Токмо молюся

Я сошёл с ума и токмо молюся каждый день. Меня сумасшедшим считают за мою мольбу каждый день, чтобы смиловались надо мной Небеса: я боюсь жутко Боли и боюсь Ада.

Все мечтают об ангелах – небожители люд. Только Адом становится родной даже пруд. Одинаковой местности в разнообразной обыденности люди предпочитают Небесные чуждые прелести.

Всем нам хочется делать, всем нам хочется спроса, а по факту нельзя нам: можно переесть просто. Все мы держимся в форме, как в Америке люди. Наряду с нами черти воют в техногенном омуте. Кто-то паратехническим это всё называл, только суть не меняется: смерть от этого я ожидал.

Глагольство Москвы

Дороги московские полны одного и того: одни и те же машины, одни и те же рожи. Ничего необычно, всё по правилам дорожного движения. Я пишу это искренне. В этом нет осуждения. Молодцы все водители, что не истребляете население. Потому что смятение у всего населения.

Москвичи любят рынок обсуждать: по чём продавать и по чём покупать. Покупаем мы вещи – дома целые горы, но для эксплуатации не хватает нам пороха. Потому что хотят люди это купить и хранят вещи дома, не желая всё это где-то употребить.

Людам надо лишь власти, людам надо лишь славы, но приложение жизни в действии предполагает хотя бы начало. Там продолжить не долго – только были бы силы, потому что по жизни в поисках краха существуют все уныло.

Все бегут развлекаться, словно в жажде наркотика, а иные сношаются, остерегаясь небесного дротика. Обнажается ложь где-то грешной любви: лучше бы они приняли, что работать требуется вместе для вечной любви. Это даже животные делают для своего потомства: сначала условия ищут, а потом лишь по плану сношаются формальненько, быстро и просто.

А потом удивляются люди Москвы: почему извращенцами становятся их сыны. Формируется страх, что если не бу-

ду, то меня Аллах повесит на гвозди, словно Иуду.

Это всё наши жизни – люди все не темны. Это всё унижение, что в вашем сердце дарует мечты.

Проверяйте искренность вашей любви: заставляя себя в страхе хуже, чем казнь от Сатаны.

Даждь ми свободы

Молилась москвичка Богу о своей свободе, так как жила только к своему мужчине угоде. Она рано познала, что, если женщина ты, то ты рабское мясо, на котором плодятся все наши скоты. Это всё унижение сердца её, что день ото дня гнобило её.

Ей хотелось полёта, а надо стирать; ей хотелось работать, а надо убираться и мужу галстуки одевать; ей хотелось учиться, но ребёнка важнее учить, ей хотелось отмыться, но нужно дальше в порядок себя приводить.

И жила она так до конца своей жизни, умерев в сожалениях отсутствия пользы нашей отчизне.

Если женщина ты, просто помни одно: во всем знать нужно меру, разгребая чужое дерьмо. Потому что ребёнком заниматься за всех негоже: он сам должен учиться общаться немножечко тоже. Надо просто смотреть, чтоб нигде не убился и свои дела делать не за мужа, а заниматься рассудком при социальном садизме.

Никто не имеет свободы в России, но все гнобят женщин, чтоб ощущать себя шире: издеваются все, так как низшим тварям чуждо мыслить в мечте.

Надо просто понять, что сие – только мнение. Надо это познать, достигнув понимание способа искоренения. Ведь мужчина – животное и он просто болеет. А когда ему скуч-

но – он лишь вожделеет.

И мученья обыденности всем не чужды: унижают друг друга люди просто в бегстве от рока Судьбы.

Для свободы не нужно вообще ничего: если делать решил – просто сделай и всё. Пусть толпа тебя держит даже всю свою жизнь: это идиотизм тратить силы тебя усмирить.

Надо лишь осознать социальное мнение: несвобода нужна только для угнетения. Несвобода отсутствует, как и свобода – два понятия эти просто станут аналитическим ходом.

Господь

На Небесах купил Господь мороженное, а на земле от него люди воротили рожами. Всё потому что только повтори за ним и здесь – он непременно проявит в массы свою месть и честь.

Однако там меняется один Бог за другим и можно поиграть, чтоб от обыденности этого гниения спасти наш мир. Не субсидируют у нас покупки по предложению экономистов, но можно нехотя поесть его, чтоб сердце вредность рассекая стало чистым.

И радость люда в сладостях не иссякает – хоть что-то радует в обыденности, что-то жизнь спасает. Ну а вообще в Москве до дури скучно: коробки серые, бетонные, по телевизору один и тот же Путин. А по России все считают Московский город – городом скотин. Которые пошли всем хоро-водом, словно собачонки вслед за ним.

Централизация провинции не может люд принять: обслуживающего персонала хватит им в столице и остальных на смерть приятно оставлять.

Господь всех властвующих учит это правило блюсти: коль бесполезен гражданин, его ты просто без мучений застрели. Но они дальше смотрят: нет, не нужно убивать. Надо с квартиры выгнать и золото в леса искать их отпускать.

Ум

Медленное движение событий: нельзя ничего делать. Денег нет: разрешено ли есть и пить вам. Обслуживающий персонал вообще не должен думать: мозги достаньте и начальнику оставьте, чтобы он сам смог всё за вас вообще продумать.

Ещё вы не стесняйтесь: поклонитесь ему в ноги, скажите: «Мой Аллах вы, Михаил Михайлович, а я конченная сволочь. Я деньги ваши потребляю, ничего не делаю для вас. Увольте же меня пожалуйста, а то я только думаю сейчас».

Переувольте всех и увольняйтесь сами, чтобы на новом месте вновь угнетаться Небесами, так как начальства нет – они не могут почти ничего делать в работах сами.

Но вы не лучше – это знайте для себя. Просто поймите, что вообще всё общество совсем нескоро изживёт себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.